

маленькой поэмѣ, какъ рѣзко обрисованы въ ней характеры, сколько драматическаго движенія и жизни! Умилительная пѣсня Мери, столь наивная и нѣжная выраженіемъ, столь страшная содержаніемъ, производить на читателя невыразимое впечатлѣніе. Какъ много страшнаго смысла въ просьбѣ председателя оргіи спѣть эту пѣсню! Но пѣсня председателя оргіи въ честь чумы— яркая картина гробоваго сладострастія, отчаяннаго веселья: въ ней слышится даже вдохновеніе несчастья и, можетъ быть, преступленія сильной натуры... Такіе переводы, если они и близко вѣрны подлинникамъ, стоютъ оригинальныхъ произведеній. Не потому ли на Жуковского у насъ никто не смотритъ какъ на переводчика, хотя и всѣ знаютъ, что лучшія его произведенія переводы?

«Моцартъ и Сальери» — цѣлая трагедія, глубокая, великая, ознаменованная печатью мощнаго гения, хотя и небольшая по объему. Ея идея — вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и гения. Есть организація несчастныя, недоконченныя, одаренныя сильными талантомъ, пожираемые сильной страстью къ искусству и къ славѣ. Любя искусство для искусства, онѣ приносятъ ему въ жертву всю жизнь, всѣ радости, всѣ надежды свои; съ невѣроятнымъ самоотверженіемъ предаются его изученію, готовы пойти въ рабство, закабалить себя на нѣсколько лѣтъ какому-нибудь художнику, лишь бы онъ открылъ тайны своего искусства. Если такой человѣкъ положительно бездаренъ и ограниченъ, изъ него выходитъ самодовольный Тредьяковский, который и живетъ, и умираетъ съ убѣжденіемъ, что онъ — великій гений. Но если это человѣкъ дѣйствительно съ талантомъ, а главное — съ замѣчательнымъ умомъ, съ способностью глубоко чувствовать, понимать и цѣнить искусство — изъ него выходитъ Сальери. Для выраженія своей идеи Пушкинъ удачно выбралъ эти два типа. Изъ Сальери, какъ мало извѣстнаго лица, онъ могъ сдѣлать, что ему угодно; но въ лицѣ Моцарта онъ исторически удачно выбралъ безпечнаго художника «гуляку празднаго». У Сальери своя логика; на его сторонѣ своего рода справедливость, парадоксальная въ отношеніи къ истинѣ, но для него самого оправдываемая жгучими страданіями его страсти къ искусству, невознагражденной славой. Изъ всѣхъ болѣзненныхъ стремленій, страстей, странностей самыя ужасныя тѣ, съ которыми родится человѣкъ, которыя, какъ проклятіе, получилъ онъ при рожденіи вмѣстѣ съ своей кровью, своими нервами, своимъ мозгомъ. Такой человѣкъ — всегда лицо трагическое; онъ, можетъ быть, отвратителенъ, ужасенъ, но не смѣшенъ. Его страсть — родъ помѣшательства при здоровомъ

состояніи разсудка. Сальери такъ уменъ, такъ любить музыку и такъ понимаетъ ее, что сейчасъ поймалъ, что Моцартъ — гений, и что онъ, Сальери, — ничто передъ нимъ. Сальери былъ гордъ, благороденъ и никому не завидовалъ. Приобрѣтенная имъ слава была счастіемъ его жизни; онъ ничего больше не требовалъ у судьбы, — вдругъ видитъ онъ «безумца, гуляку празднаго», на челѣ котораго горитъ помазаніе свыше...

О, небо!

Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный гений — не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ —
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?... О, Моцартъ, Моцартъ!

Моцартъ является со всей простотой, всеелостью, шутливостью, съ возможнымъ отсутствіемъ всѣхъ претензій, какъ гений, по своему простодушію неподозрѣвающій собственнаго величія или невидящій въ немъ ничего особеннаго. Онъ приводитъ съ собой къ Сальери слѣпотаго скрипача-нищаго и велитъ ему сыграть что-нибудь изъ Моцарта. Сальери въ бѣшенствѣ на эту профанацію высокаго искусства, Моцартъ хохочетъ, какъ шаловливый ребенокъ, потомъ играетъ для Сальери фантазію, набросанную имъ на бумагу въ безсонную ночь, — и Сальери восклицаетъ въ ревнивомъ восторгѣ:

Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь,
Я знаю, я!..

Моцартъ отвѣчаетъ ему наивно:

Ба! право? можетъ быть...

Но божество мое проголодалось.

Замѣтите: Моцартъ не только не отвергаетъ подносимаго ему другими титула гения, но и самъ называетъ себя гениемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ называя гениемъ и Сальери. Въ этомъ видны удивительное добродушіе и безпечность: для Моцарта слово «гений» ни по чемъ; скажите ему, что онъ гений, — онъ пренебрежно согласится съ этимъ; начинайте доказывать ему, что онъ вовсе не гений, — онъ согласится и съ этимъ, и въ обоихъ случаяхъ равно искренно. Въ лицѣ Моцарта Пушкинъ представилъ типъ непосредственной гениальности, которая проявляетъ себя безъ усилія, безъ расчета на успѣхъ, нисколько не подозревая своего величія. Нельзя сказать, чтобъ всѣ гении были таковы; но такіе особенно невыносимы для талантовъ въ родѣ Сальери. Какъ умъ, какъ сознаніе, Сальери гораздо выше Моцарта; но какъ сила, какъ непосредственная творческая сила, онъ ничто передъ нимъ... И потому самая простота Моцарта, его неспособность цѣнить самого себя еще больше раздражаютъ Сальери. Онъ не тому завидуетъ, что Моцартъ выше его, — превосходство онъ могъ бы вынести благо-